

О. Е. Чернова

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ

В конце 1920-х гг. Г. О. Винокур писал: «Если язык вообще есть некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение по преимуществу, коммуникация обнаженная и абстрагированная до крайних мыслимых своих пределов» [Винокур, 1929, 229]. Газетный номер в целом отражает позицию индивидуально-коллективного субъекта-автора и рассредоточенного массового адресата. Интенция адресанта, акты его взаимодействия с адресатом в средствах массовой коммуникации реализуются в намеренном воздействии на когнитивно-ментальную сферу читателя. Языковая личность или группа личностей, связанная общностью взглядов, политических или социальных целей, образа жизни и деятельности, сама отбирает релевантное основание аксиологической и/или эмоциональной оценки предмета, явления, актуализирует некоторые периферийные или потенциальные элементы значения слова, в частности – прагматическое значение.

Можно предположить, что прагматическое значение рождается в речевых отрезках и зависит от замысла говорящего и от выбора им соответствующих языковых средств. Сам выбор слова может быть квалифицирован как речевой поступок – он «нацелен» на определенный эффект воздействия на адресата. Однако со временем прагматическое значение закрепляется за отдельным словом и становится компонентом лексической семантики.

Прагматическое значение мы понимаем в самом широком смысле – это «исторические, культурные, социальные условия и вся совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых происходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка и на отношение к нему» [Звегинцев, 1973, 8]. Прагматическое значение имеет сложную структуру, в которой выделяются, в частности, эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический, историко-языковой, историко-культурный, идеологический компонент. Прагматическое значение лишает слово статуса нейтральной языковой единицы. Слова с прагматическим значением В. И. Говердовский называет «коннотемами». Коннотемы содержат различную информацию: отражают сегмент информации о субъективном отражении объективного мира и эмоциональном отношении говорящего к предмету речи; передают совокупность сведений о языковых факторах, обусловленных соотношением языка и действительности; дают информацию о внешнем мире [см.: Говердовский, 1989, 82]. Так, появление у слова идеологической семантики переводит его в разряд идеологем.

По словам Н. А. Купиной, идеологема – «это языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина, 2000, 183]. Регу-

лярное и частотное использование идеологем в СМИ есть осуществление языковой политики.

Предметом нашего изучения является идеологема «труд», частотность употребления которой в СМИ советского времени чрезвычайно высока. Материалом послужила газета «Магнитогорский рабочий» (далее – МР) 1930-х гг., поскольку именно в эти годы за счет постоянного партийного контроля была достигнута беспрецедентная для истории прессы управляемость населения. Особенности коммуникации текстового автора и его гипотетического адресата мы анализируем в трех направлениях, основываясь на том, что коммуникативную функцию речи можно более детально рассматривать как реализацию трех функций: контактоустанавливающей, информативной и регулятивной.

Обратимся к словарному толкованию лексемы *труд*. В словаре В. Даля *труд* в первом значении есть «работа, занятие, упражнение дело; все, что требует усилий, старания и заботы; всякое напряжение, телесных или умственных сил; все, что утомляет. *Человек рожден на труд. Без труда нет добра* [СД, 1955, 436]. Четырехтомный словарь Д. Н. Ушакова дает следующее определение: «Целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения. В СССР осуществляется принцип социализма: «От каждого по его способностям, каждому – по его труду» [ТСУ, 1940, 609]. В «Толковом словаре языка Совдепии» *труд* – это «созидательная деятельность человека». *Освобожденный (свободный) труд*» [Мокиенко, 1998; 609].

Как видно, дефиниции не содержат указаний на присутствие идеологических коннотаций в лексическом значении слова *труд*, но иллюстративный материал в двух последних словарях, изданных на основе материала советского времени, указывает на то, что в контексте лексема *труд* приобретает идеологические коннотации. Высокочастотное употребление в одном и том же политически ориентированном контексте приводит к закреплению за словом определенной идеологической направленности. В связи с этим лексическая единица превращается в своеобразный конденсат идеологических установок. В советское время она становится идеологемой. Регулярное употребление этой идеологемы в СМИ выполняет функцию установления контакта коллективного автора со своим читателем. Так, достаточно часто встречаем сочетание, ставшее почти устойчивым: ...*Социализм и труд неотделимы друг от друга* [МР, 1933, № 51, 86]. Сочинительный ряд *социализм и труд* указывает на принадлежность этих лексем одному и тому же дискурсу. Употребленный с ними предикат с семантикой отрицания *неотделимы* имеет утвердительное значение и только подчеркивает их идеологическую общность. Идеологические коннотации, появившиеся в данном контексте у слова *труд*, переводят его в разряд слов-операторов официальной идеологии.

Контактоустанавливающая функция обнаруживается и в следующем отрывке: *Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда* [МР, 1933, № 22]. Лексема *труд* используется в одном смысловом ряду с политическим термином *коммунизм*, обозначающим комплекс

идей, весьма отдаленных от непосредственного опыта человека и в связи с этим обладающим некоей абстрактностью, столь характерной для слов тоталитарного языка. Смысловая неопределенность проявляется и в словосочетании *производительность труда*, из-за частого использования превратившегося в политическое клише. Эта легко узнаваемая «формула», несмотря на потерю семантической наполненности, обладает большой пропагандистской силой. Ее употребление в стандартных коммуникативных ситуациях формирует в языковом сознании устойчивые ассоциации. Этот процесс влечет за собой закрепление в лексическом значении слова коннотаций, отражающих представления носителей данной идеологии о характере явления, стоящего за словом. Идеологически ориентированное словосочетание *производительность труда* косвенно актуализирует социально-положительную оценку называемого явления.

Политические клише выполняют контактоустанавливающую функцию также и в следующем фрагменте: *Требуется невиданный подъем, новая мощная волна производственного энтузиазма, пафос социалистического соревнования и ударного труда* [МР, 1933, № 75]. Пропагандистская тональность текста, политически ориентированные выражения с семантикой трудовой деятельности *производственный энтузиазм, социалистическое соревнование, ударный труд* придают слову *труд* политическую тональность. Стандартизация данных выражений способствует выработке автоматизма речи и мысли. Говорящие владеют этими знаками бессознательно, в силу своей причастности определенному языковому коллективу. Для них значение выражений не что иное, как их употребление, потому словосочетания привязаны к определенному политическому дискурсу, в данном случае тоталитарному.

Один из наиболее популярных способов установления контакта с аудиторией и обозначения «своего адресата» – отбор лексики с семантикой «я свой». Такую функцию отчасти выполняют слова-«пароли», семантика которых («я свой»), по мнению Е. И. Шейгал, становится видна, когда «политик употребляет тот или иной термин не столько для обозначения референта, сколько в качестве доказательства своей принадлежности к определенной политической группировке, приверженности определенной идеологии» [Шейгал, 2000, 130]. Иллюстрацией может служить следующее высказывание: *Мы обязуемся создать на нашей стройке и заводе культуру высоко организованного социалистического труда и производства* [МР, 1934, № 158]. В тексте «паролем» выступает выражение *высоко организованный социалистический труд*. Оттенки неопределенности, вводимые посредством слов-определителей с диффузной семантикой *высоко организованный* в сочетании с прилагательным *социалистический*, превращают выражение в клише политического дискурса. Оно практически лишено информативности и выполняет сугубо прагматические функции. Местоимение *мы* выступает маркером групповой идентичности и приобретает идеологическую коннотацию «свой, не враг». Можно сказать, что поиск эмотивного контакта с адресатом ведет к появлению устойчивого коннотативного значения у слова *мы*, которое становится основанием для образования оппозиций *мы – они, свои – чужие*.

Приведем еще один пример употребления слов-«паролей»: *Ударным, честным трудом подавляющая часть колхозников, трактористов вывела все колхозы в передовые* [МР, 1935, № 124]. Выражения *ударный труд, передовые колхозы* помогают легко идентифицировать субъекта как приверженца коммунистического строя и подчеркнуть общность его взглядов с аудиторией.

Контактоустанавливающую функцию в газете выполняет также и лексема *трудящиеся*, содержащая компонент совместности и имеющая коннотацию «я свой». Денотативное значение этого слова «живущий своим трудом» говорит о том, что труд – дело почетное и благородное. Однако выделение группы тех, кто трудится, предполагает и наличие другой группы людей – эксплуататоров. Например: *Горячий братский привет всем пролетариям, всем колхозникам и всем труженикам городов и деревень СССР, всем трудящимся и угнетенным во всем мире!* [МР, 1933, № 47]. В языковом сознании сочинительный ряд *трудящиеся и угнетенные*, помимо социального фактора, актуализирует и фактор идеологический, поскольку обращен и к тем, кто трудится не для собственного блага. Пропагандистская сила лексемы *угнетенные* заключена в большом количестве полярных ассоциативных признаков: с одной стороны, «сожаление», «сочувствие» к угнетенным, а с другой сторон – «гнев», «злость» к угнетающим. Имплицитное противопоставление трудящихся людям другого лагеря – «эксплуататорам», «капиталистам», «богатеям», – закрепляет за последними резко отрицательную оценку.

Лексема *трудящиеся* всегда несет не только положительные коннотации, но и служит маркером групповой идентичности: *Не покладая рук учиться, овладевая науками и усваивая сущность марксизма и ленинизма, честно трудиться на своем посту, развивая активность в социалистическом соревновании, и бороться в рядах трудящихся за победу коммунизма, вкладывая душу в практическую работу по социалистическому строительству и обороне страны* [МР, 1933, № 251]. Выражение *в рядах трудящихся* идентифицирует говорящего как одного из «своих». Глагол *бороться* и отглагольное существительное *оборона* актуализируют сему «враждебность» и имплицитно указывают на «врагов коммунизма». Пафос, с каким перечисляются обязательства трудящегося, превращают этот текст в своеобразную присягу. *Государство помещиков и капиталистов недолговечно... царство труда можно создать усилиями самих трудящихся... царство труда нужно создать на земле, а не на небе* [МР, 1934, № 19]. Агрессивное отношение говорящего к помещикам и капиталистам косвенно переводит его в ряды трудящихся. В отрывке ярко проявляется тяга языка тоталитаризма к гигантомании и вселенским масштабам. Советская идеология утверждает историю СССР как тотальную – венчающую и «отменяющую» все предшествующие ей истории. Посредством синтаксического параллелизма в соединении с анафорой читателя постепенно убеждают в необходимости нового строя: *царство труда можно создать...; царство труда нужно создать...*

Реализация информативной функции газеты заключается в том, что газета, как и другие СМИ, рассказывая о событиях, представляет аудитории свой образ окружающей действительности. Поскольку в газете структура бытия

задается человеку как набор более или менее стандартных ситуаций, особую роль приобретает то, как будет названо явление. Выбор номинации актуализирует непосредственно прагматический, в частности оценочный, компонент лексического значения слова, а также различные аспекты коннотаций и ассоциаций. В газетных публикациях лексема *труд* является не только обозначением вида человеческой деятельности, но и несет в себе такие дополнительные смыслы, как «благополучие», «богатство», «счастье» и т. д. Например, в следующем фрагменте: *Мы действительно превратили Магнитогорск в культурный, передовой, благоустроенный город с богатой общественной культурной жизнью, которая даст новый невиданный размах и подъем трудового энтузиазма* [МР, 1934, № 51], эпидейктическая лексика *культурный, передовой, благоустроенный, богатый, невиданный* актуализируют в языковом сознании положительные базовые ассоциации в области эстетического, экономического, политического. Маркер групповой идентичности *мы* и глагол совершенного вида прошедшего времени *превратили* вовлекают читателя в описанный процесс, давая ему почувствовать себя творцом этого благополучия и, конечно, испытать чувство гордости.

Информативная функция доминирует в следующем отрывке: *Доходы, выжимавшиеся эксплуататорами из народного труда, остаются ныне в руках трудящихся и используются частью на расширение производства и привлечение в производство новых отрядов трудящихся, а частью – для прямого повышения доходов рабочих и крестьян* [МР, 1934, № 25]. В пользу необходимости труда как основы нового общества приводится один из самых веских аргументов – финансовое благополучие каждого трудящегося. Действенность аргумента подкрепляется противопоставлением советского общества капиталистическому, которое в данном контексте имеет смысловые оттенки – «отсутствие справедливости», «бедность». Опора на этот достаточно устойчивый образ-противопоставление закрепляет за словом *труд* целый комплекс положительных ассоциаций в области экономического.

Труд выступает как гарант благополучия в отрывке: *...Вы все знаете, что без труда, без упорной работы ничего не делается. Вы должны знать, что все, что есть в жизни – эти прекрасные дворцы, театры, где вы заседаете, фабрики и заводы, которые мы вам показывали – все это результат напряженнейшего человеческого труда. И пока мы по-настоящему не приналяжем, пока мы не организуем наш социалистический труд, пока ударники будут у нас единицами, а не все колхозники в целом, до тех пор мы не преодолеем наших невзгод, до тех пор мы не поднимем быстро и как следует наше материальное благосостояние* [МР, 1933, № 49]. Вторая часть имплицитной оппозиции *труд – безработица* вызывает достаточно длинный ассоциативный ряд *голод – нищета – болезнь*, вселяющий в человека страх и одновременно информирующий адресата о том, что единственный путь к благополучию только в труде. Преднамеренно редуцируются сложные смыслы, сводя многомерное понятие к примитиву. Человек осознает, что происходит, и в идеале он должен понять, что нужно делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Одна из основных функций СМИ – регулятивная. Ценность сообщения

тем выше, чем больше изменений в поведение оно может внести, потому в убеждающих текстах особенно необходимо наличие слов, содержащих в своем лексическом значении эмоционально-экспрессивные, оценочные и т. д. компоненты, предназначенные для регуляции поведения человека. Такие слова отражают явления аффективной стороны психики человека и апеллируют поэтому к эмоционально-волевой стороне психики реципиента и через нее – к его рациональной сфере с целью регулирования его поведения. Однако, по мнению В. И. Говердовского, одна из основных «закономерностей эффективности коннотем проявляется в том, что их воздействующая сила тем больше, чем менее они частотны» [Говердовский, 1989, 89], поэтому для усиления регулятивной функции текста газета создает и неожиданные для слова *труд* коннотации: «мера политической благонадежности», «мера социальной пригодности».

Вот, например, как эксплицируются подобные коннотации в советской газете: *И люди, не желающие честно трудиться на благо родины, уменьшающие результаты общей работы преступным отношением к делу, по существу действуют заодно с злостными врагами народа* [МР, 1934, № 74]. Имплицитная оппозиция *трудящийся – враг народа* ставит вне закона людей, не принимающих труд как норму жизни. Труд приобретает политический статус за счет выражений *на благо родины, заодно с злостными врагами народа*. Коннотация *мера политической благонадежности* является в данном контексте преобладающей.

В следующем высказывании труд становится единственно возможной формой жизни индивида в социалистическом обществе: *Центральный комитет партии сказал: «Коммунист, не принимающий активного участия в соцсоревновании, ударничестве и не являющийся образцовым производственным, не оправдывает звания большевика – члена ленинской партии»* [МР, 1933, № 96]. В тексте осуществляется вероятностный прогноз поведенческих реакций индивида, которые в итоге не соответствуют ожидаемому. Это достигается за счет употребления отрицательных конструкций с частицей *не*. Использование слов трудовой тематики (*соцсоревнование, ударничество, производственный*) в контексте тоталитарного дискурса, являющихся идеологически окрашенными, позволяет говорить о появлении у лексемы *труд* коннотации «мера политической благонадежности».

Итак, общение как речевое взаимодействие людей предполагает обмен прагматической информацией. Направленное семантико-прагматическое моделирование смыслового содержания языковых единиц проявляется в колебании прагматической информации, которую необходимо рассматривать как эффективный раздражитель в речевом общении, воздействующий на сознание аудитории и способствующий воплощению целей говорящего.

Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929.

Говердовский В. И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 182 – 189.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1940.

Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. М., 2000.

Е. П. Панасова

КОНЦЕПТ *СОЛНЦЕ* В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Появление термина «концепт» в русской лингвистической школе связывают с именем С. А. Аскольдова-Алексеева. В 1920-х гг. он разрабатывал теорию концепта, которая к концу XX в. выделяется в самостоятельную отрасль науки – концептологию. В настоящее время существует два основных взгляда на содержание термина «концепт»: когнитивный (Е. С. Кубрякова, К. Менг, М. Минский, Р. И. Павиленис, Ч. Филлмор) и лингвокультурологический (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова, С. Ю. Степанов, И. А. Стернин).

В рамках когнитивного подхода термин «концепт» синонимичен термину «понятие», практически отождествляется с ним.

Мы являемся сторонниками лингвокультурологического понимания термина «концепт» и принимаем определение В. В. Колесова, который под концептом понимает «не сопсертус (условно переводимое как “понятие”), а сопсертум – “зародыш, зернышко”, из которого произрастают все содержательные формы его воплощения (то есть образ, понятие и символ). Слово выступает материалом концепта, наряду с его содержательной формой, в виде образа, понятия, символа» [Колесов, 1995, 14]. Концепт рассматривается одновременно как феномен языковой и культурный, например, академик Д. С. Лихачев считает, что «концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев, 1993, 6], а «Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, 40].

Концепт сложнее, чем соответствующее слово – «имя» концепта: он содержит семантические добавки, которые и определяют специфику национального восприятия концепта. Но именно при восприятии слова, которое является «именем» концепта (иногда – при восприятии метафоры или фразеологизма), в сознании человека возникает соответствующий концепт. Концепт не исчерпывается словарным значением слова – «имени» концепта, но сло-